

Изначально он планировал после обеда пойти собирать побеги бамбука, но не ожидал, что ляжет в постель и уснет. Когда он проснулся, солнце уже садилось, а за дверью он услышал ворчливый голос Лю Сянсян, жалующуюся на ленивых людей, которые не работают и постоянно бездельничают. Тан Сюй сел в постели, чувствуя себя сонным, как будто он слишком много проспал.

Выйдя на улицу и взглянув на небо, он понял, что действительно проспал довольно долго, по меньшей мере два часа.

— Мам, — он прислонился к дверной раме, протирая глаза, — перестань кричать, я уже встал.

Лю Сянсян встряхнула ткань в руке и выругалась:

— Спишь, спишь, я думала, ты крепко спишь!

Тан Сюй взглянул на тряпку в ее руке, недоумевая, зачем она смачивает ее, чтобы вытереть пыль. Что за расточительство!

— Мам, отожми тряпку, вытирая влажной тряпкой, ты ничего не отмоешь, — Тан Сюй не стал с ней спорить, а просто, закончив говорить, вышел на кухню. Он положил очищенные побеги бамбука в корзину, а в другую корзину сложил бамбуковые стебли, чтобы использовать их в качестве топлива.

Огород перед домом и за домом был прибран, курятник и свинарник вычищены, а выстиранная одежда развешана на веревке во дворе.

После прогулки и не найдя другого занятия, он выглядел праздным.

Увидев, что он бесцельно бродит вокруг, Лю Сянсян с грохотом швырнула тряпку в таз:

— Что ты делаешь?

— Просто проверяю, есть ли работа, — Тан Сюй повернулся к ней и спросил: — Где А-Ли и А-Ян?

— Они пошли собирать грибы в горы, — Лю Сянсян нахмурилась и отступила на шаг, увидев, что он смотрит на нее. — Что ты смотришь?

Тан Сюй взмахнул рукой, указывая на окрестности:

— Ты сама все это делаешь во дворе?

— Если не я, то кто же? Каждый день лежишь без сил, не можешь проснуться, все время спишь, ленивая задница! — продолжала жаловаться Лю Сянсян, выжимая тряпку и возвращаясь в дом, чтобы протереть стол и шкафы.

Тан Сюй счел ее внезапный энтузиазм по поводу уборки довольно подозрительным. Обычно она ничего не делала дома, кроме как валялась без дела и ходила в поле с отцом. Не сумев ничего понять, он не стал спрашивать и вернулся в дом вязать носки.

Поскольку работы не было, Тан Сюй сэкономил немного сил и быстро закончил вязать носки. Наконец, немного подумав, он решил, что подарить Вэй Дуну. Поскольку ему больше нечего было предложить, он решил подарить пару носков, которые связал сам. Эти носки будут каждый день носить близко к телу, и Вэй Дун, несомненно, будет тронут, узнав, что он связал их своими руками!

Мысли Тан Сюя неслись вскачь, а руки быстро двигались, переплетая тонкие ветви, почти создавая несколько теней.

Тем временем Лю Сянсян, увидев, что Тан Сюй возвращается в дом, хмыкнула, вылила воду из таза в огород, вытерла руки и, уходя, закрыла входную дверь.

Тан Сюй услышал шум и подумал, что она ушла работать в поле. Однако Лю Сянсян направилась не в поле, а напрямиком в дом свахи в деревне.

— Бабушка Ву! Ты дома? — Лю Сянсян постучала в дверь и крикнула в дом.

Бабушка Ву, сорокалетняя женщина, одетая как мужчина, два года назад потеряла мужа. Две ее дочери вышли замуж, и она осталась одна в старом доме. Из-за слабого здоровья она не могла работать в поле и зарабатывала на жизнь, сводя людей и получая немного серебра. Она жила в достатке.

— Ты же была здесь утром, почему вернулась? — Бабушка Ву открыла дверь, ее волосы были растрепаны, она явно проснулась после дневного сна.

Лю Сянсян без колебаний вошла внутрь.

— Я спешу! Неужели тому человеку, о котором ты говорила, действительно нравится Сюй-гер?

Бабушка Ву приложила палец к губам и прошептала:

— Говори тише, чтобы другие не слышали. Если все пройдет хорошо, твоя семья получит выгоду!

Лю Сянсян кивнула:

— Да, да, ты права, — но затем засомневалась и спросила: — Они правда могут предложить двадцать лян?

Лицо бабушки Ву напряглось. В последние годы она неплохо зарабатывала на сватовстве и жила в достатке. Когда она ничего не выражала на лице, ее дряблая кожа делала ее лицо свирепым.

— Если ты мне не веришь, забудь об этом. Я найду кого-нибудь другого.

Лю Сянсян быстро натянула на лицо улыбку и схватила ее за руку, пытаясь угодить.

— Я просто беспокоюсь, ты же знаешь, что мой Сьюй-гер очень простодушен. Я боюсь, что он не сможет угодить богачам.

— Брак - это не то же самое, что отправить его в богатый дом в качестве хозяина. Умен он или нет - не имеет значения. Твой Сьюй-гер хорошо выглядит, и они очень заинтересованы в нем», — сказала бабушка Ву. Однако для нее, как для матери, мысль о том, чтобы отправить собственного сына в богатый дом в качестве молодого наложника, все еще казалась постыдной.

Однако она отвечала только за сватовство и не вмешивалась в другие дела.

Даже если бы другие матери были готовы продать своих сыновей богатым семьям за двадцать лян, она ничего не могла бы сказать. Если бы она попыталась это остановить, другие могли бы обвинить ее в том, что она вмешивается и мешает им зарабатывать деньги.

У этого дела была долгая предыстория. Недавно Лю Сянсян понесла несколько убытков из-за Тан Сюя, и не только. Видя, как другие зарабатывают деньги и сразу же становятся состоятельными, Лю Сянсян чувствовала себя проигравшей. Поэтому она пришла в дом бабушки Ву, чтобы узнать, есть ли семьи, готовые заплатить за то, чтобы выдать ее сына замуж, продавая его за двадцать лян.

В прошлом, когда кто-то предлагал Тан Сюю выйти замуж, Лю Сянсян требовала двадцать лян задатка, но ей говорили, что у нее, должно быть, не все в порядке с головой, если она думает, что кто-то потратит двадцать лян, чтобы выдать замуж гера. На двадцать лян можно было построить две комнаты из зеленого кирпича и черепицы.

Что она сказала?

Она сказала, что Тан Сьюй родился благодаря ее упорному труду и у него хороший характер. Бедным нищим, у которых нет денег, не стоит выдумывать. Прежде чем что-то предпринимать,

им следует взглянуть на свою жалкую внешность.

И родные, и чужие говорили, что Лю Сянсян была жадной до денег и одержимой серебром.

На самом деле Лю Сянсян не собиралась выдавать Тан Сюя замуж. Лучше было оставить его дома, чтобы он работал как вол или лошадь. Она не хотела, чтобы он выходил замуж и стал молодым мужем в чужой семье.

Но теперь ее мнение изменилось. Она надеялась быстро выдать его замуж. Если бы ей предложили деньги, она бы согласилась, но, конечно, сумма не могла быть меньше.

Она пришла к бабушке Ву в надежде испытать удачу, но не ожидала, что бабушка Ву будет волноваться, потому что сама заключила деловую сделку.

Бабушка Ву недавно ездила в город навестить свою старшую дочь. В семье мужа ее дочери был родственник в округе, который хотел жениться на красивом гере из их семьи, чтобы тот стал его мужем.

Изначально старшая дочь семьи Ву, сплетничая со своей матерью, сказала:

— Третьему дяде моего мужа сейчас почти пятьдесят лет. Он заводил одну наложницу за другой, но не мог завести ребенка. Прожив в особняке меньше двух лет, они были проданы в бордель. Он обвиняет наложниц в том, что они не рожают детей. Если это действительно их вина, то почему ни одна из них не забеременела после того, как он женился почти на десяти наложницах? Теперь он говорит, что ему больше не нужны наложницы, он хочет жениться на гере. Женщины не могли родить детей, так что же, женитьба на гере волшебным образом сделает его плодовитым? Я думаю, он бредит. Он так мило говорит, но он просто старый развратник.

Бабушка Ву прищурилась, понизила голос, взяла дочь за руку и спросила:

— Его третий дядя - богатый господин Чжу Сан, который живет в округе? — Затем она пробормотала себе под нос: — Он не упоминал, сколько денег он готов заплатить, чтобы жениться на гере?

— Он сказал про пятьдесят лян. Но какой смысл выходить замуж? Он просто хочет купить игрушку. Как только он войдет в дом, он будет доставлять неприятности в течение двух лет, а потом продаст его в те грязные места. Он ничего не потеряет. — Старшая дочь презрительно посмотрела. Увидев, что глаза матери блестят, она поспешно добавила: — Мам, о каких плохих мыслях ты думаешь? Ты собираешься участвовать в таком отвратительном деле?

Бабушка Ву сурово посмотрела на нее.

— Пятьдесят лян! Кто бы стал жаловаться на слишком много денег? Ты удачно вышла замуж, и у тебя достаточно денег, чтобы их тратить. Почему твоя старая мать до сих пор живет в доме из сырцового кирпича? Я много работала, чтобы вырастить тебя и выдать замуж. Что плохого в том, что я хочу немного заработать? Кроме того, мы никого не принуждаем. Они выходят замуж только тогда, когда захотят, верно?

Говоря это, бабушка Ву на самом деле думала о Лю Сянсян. Однако она не думала, что Тан Эрху согласится. Главой семьи был мужчина, а Тан Эрху был не из тех, кто продаст своего сына за деньги.

Но когда она услышала, что мужчина, за которого нужно было выйти замуж, был пятидесятилетним стариком, даже если бы она согласилась, никто бы не согласился.

Что ж, не все отказались. В одной семье было много геров, и некоторые из них были готовы выйти замуж за двадцать лян серебра. Родители этой семьи были очень рады, и геры кивнули в знак согласия.

Но они не понравились бабушке Ву. Сыновья этой семьи выглядели не очень хорошо: они были смуглыми и худыми. Она даже не хотела смотреть на них, не говоря уже о богатом господине. Как она могла их одобрить?

Это дело зашло в тупик, и бабушка Ву забеспокоилась. Это были пятьдесят лян, и даже если бы она могла потратить двадцать лян, чтобы лишить гера будущего, у нее все равно осталось бы тридцать лян. Она не могла отказаться от них.

Бабушка Ву была встревожена, когда к ней пришла Лю Сянсян.

Они сразу же поладили, как две горошины в стручке. Они согласились, что выйти замуж за богатого мужа в округе, даже если он старик, все равно было бы неплохо. Пока можно было завоевать расположение этого человека, можно было бы жить в достатке. Если бы у них родился ребенок, они могли бы даже побороться за долю в семейном имуществе. Этот человек был третьим сыном в богатой семье. Выйти замуж за представителя такой семьи было выгодно, особенно с приданым в двадцать лян!

Когда Лю Сянсян услышала о двадцати лянах, она сразу же согласилась и сказала, что быстро ответит на запрос.

— Суй-гер из моей семьи, кто бы не влюбился в него с первого взгляда? Он нежный и покорный, идеально подходит на роль молодого мужа для состоятельного человека!

Бабушка Ву с улыбкой кивнула.

— Именно так, я тоже считаю, что твой Суй-гер идеально подходит для этого. Так что,

решено? Тан Эрху согласится?

Лю Сянсян нахмурилась, махнула рукой и сказала:

— Тебе просто нужно ответить им. Я обязательно смогу убедить его.

Бабушка Ву несколько раз соглашалась.

— Тогда возвращайся сегодня и подробно объясни это Тан Эрху. Завтра я поеду в город и сообщу.

Лю Сянсян радостно помахала рукой и ушла.

Затем, пребывая в прекрасном настроении, Лю Сянсян тщательно убралась в доме. Она не только вымыла фасад и заднюю часть дома, но и до блеска вытерла всю мебель.

Почему она вдруг стала такой усердной? Она хотела похвастаться перед Тан Эрху, сказав, что даже без Тан Сюя дома ей все равно удастся делать все дела. Независимо от того, есть Тан Сюй или нет, она хотела поскорее выдать его замуж. Она не могла позволить себе держать его рядом и позволить ему стать старым холостяком.

Она тщательно все спланировала и, закончив работу, не могла усидеть на месте. Она снова отправилась на поиски бабушки Ву.

Бабушка Ву вздохнула и сказала:

— Зачем ты снова спрашиваешь? Разве я тебе не говорила? Двадцать лян. Они предлагают двадцать лян просто за то, чтобы выдать замуж красивого гера. Ты боишься, что я тебя обману?

На самом деле она сначала хотела предложить десять лян, но потом подумала, что десяти лян может не хватить, чтобы кого-то убедить. Она поняла, что купить гера на самом деле нереально, поэтому подняла цену до двадцати лян. Эту цену установила сама бабушка Ву.

Лю Сянсян завела ее в дом и усадила на кан.

Взяв горсть семян дыни, Лю Сянсян без колебаний устроилась на кан и начала раскалывать семена одно за другим.

Бабушка Ву нахмурилась, увидев ее фамиллярное поведение, и почувствовала раздражение из-за того, что та вела себя так, будто была здесь хозяйкой. Но потом она напонила себе, что нужно терпеть это ради тридцати лян, которые скоро будут ее. Терпеть ради денег!

Выдав из себя улыбку, она спросила:

— Ты разговаривала с Тан Эрху?

Лю Сянсян выплюнула косточки от дыни, покачала головой и сказала:

— Эрху вернулся, поел и сразу отправился работать в поле. Я не успела с ним поговорить.

Расколов все семечки, она подняла голову и спросила:

— Если я выдам его замуж, значит ли это, что он не сможет вернуться домой?

Лицо бабушки Ву помрачнело.

— О чем ты думаешь? Он выйдет замуж за богатого мужчину из знатной семьи. Как только он окажется в особняке, сможет ли он просто приходить и уходить, когда вздумается? Позволь мне сказать тебе, что с двадцатью лянми ты больше не должна думать об этом ребенке. Если он вспомнит о тебе на праздники, может быть, он пришлет тебе что-нибудь вкусненькое.

Лю Сянсян почувствовала облегчение. Не возвращаться домой было здорово. Лучше бы ей не видеть его до конца своих дней!

Бабушка Ву не могла не задаться вопросом, действительно ли она была любящей матерью. Казалось, она не испытывала никакой привязанности к своему единственному геру. Она говорила о том, что Тан Сюй должен найти хорошую семью, чтобы жить в достатке, но на самом деле она планировала продать его за деньги.

Однако бабушка Ву лишь проворчала что-то себе под нос. В конце концов, она сама заработает на этой продаже.

— Поспешి обратно и объясни все Тан Эрху. Я завтра поеду в город и поговорю с ними. Получится или нет, но дай мне четкий ответ, прежде чем ляжешь спать, — настаивала бабушка Ву, прогоняя Лю Сянсян.

Когда Лю Сянсян ушла, она взяла еще горсть семян дыни. Увидев, что она уходит, бабушка Ву плюнула на землю, презирая ее за такое поведение.

Тем временем Тан Сюй закончил сшивать три куска льняной ткани, учитывая, что ноги Вэй Дуна должны быть большими, помня о его высоком и крепком росте. Он сделал нижнюю часть

широкой и длинной, сшивая ее на нитку, чтобы при необходимости можно было легко распустить и перешить.

Закончив с носками и положив их в корзину, он достал кувшин с нетронутым измельченным мясом и тоже положил его в корзину, планируя забрать ее завтра.

Взглянув на небо, он понял, что пора готовить ужин.

Он пошел на кухню и приготовил еду, используя высушенные ранее побеги бамбука. Часть он нарезал для засолки, а остальные оставил свежими, чтобы потом обжарить. Он также приготовил квашеную капусту с тертым картофелем, тонкие блинчики и кашу из смеси круп.

— Старший брат, мы вернулись! — Тан Ян ворвался в дом, полный энергии несмотря на то, что провел день, бегая по горам.

Тан Сюй вздохнул, глядя на безграничную энергию детей, и вытер руки, прежде чем улыбнуться и спросить:

— Ого! Сколько вы собрали?

— Много, старший брат! Мы с сестрой также собрали немного дикорастущих овощей, — взволнованно ответил Тан Ян, показывая Тан Сюю свой урожай в корзине. Тан Сюй помог ему снять корзину и поднял ее, ощущая ее вес. — Ты устал?

— Вовсе нет! Старший брат, я голоден. Когда будет готово? — Тан Ян вытер пот с лица и нетерпеливо посмотрел на него.

Тан Ли последовала за ним, поставила корзину на землю и, вытерев пот, спросила:

— Старший брат, почему мама пошла в дом бабушки Ву?

— Старший брат, я хочу сладкого супа. Ты можешь его мне приготовить? — Тан Ян схватил его за руку и закричал.

Тан Сюй достал из шкафа сахарницу, зачерпнул две ложки сахарного песка и смешал его с водой, чтобы они могли выпить и восстановить силы.

Брат и сестра послушно вымыли руки и вернулись, чтобы сесть на маленькие деревянные табуретки и потягивать сладкий суп. Тан Ли спросила:

— Старший брат, ты слышал, что я сказала?

— Что? — Тан Сюй месил тесто в руках, поворачиваясь, чтобы посмотреть на нее. — Что ты сказала?

Тан Ли пила сладкий суп, не сводя с него глаз поверх края чашки.

— Я спросила, зачем мама пошла в дом бабушки Ву.

Тан Сюй был озадачен.

— Бабушка Ву? Я ничего об этом не знаю.

Он тщательно прощупал свою память, но не смог вспомнить, что когда-либо встречался с бабушкой Ву или был с ней знаком.

Нахмурившись, он спросил:

— Где ты ее видела?

— Когда мы с Тан Яном спускались с горы, мы увидели ее дом у подножия горы. Мы увидели, как мама вошла в ее двор, и они, казалось, весело болтали.

Тан Ли наблюдала за выражением лица брата. Увидев, что оно осталось бесстрастным, она подумала о характере своей матери. Она решила, что мать, должно быть, пошла к свахе, чтобы обсудить предложение руки и сердца для ее брата.

— Старший брат, мама тебе не сказала?

Тан Сюй кивнул.

— Нет, она не говорила. Я спрошу за ужином.

Он вспомнил, что сегодня Лю Сянсян внезапно с энтузиазмом взялась за уборку дома внутри и снаружи. Сначала он подумал, что она испугалась Тан Эрху и решила приложить усилия перед мужчиной. Однако, скорее всего, она была в хорошем настроении, потому что планировала выдать его замуж, отсюда и тщательная уборка.

Необычное поведение обычно означает что-то странное. Казалось, что Лю Сянсян задумала что-то грандиозное.

Тан Сюй месил тесто, опустив глаза и размышляя. Он предположил, что Лю Сянсян нашла кого-то, кто готов заплатить двадцать лян, чтобы выдать его замуж. Нет, там явно какая-то

схема поглубже.

Его мысли метались, пока он быстро работал, нарезая и раскатывая тесто, смазывая маслом горячую сковороду и выпекая блины.

Двадцать лян - немалая сумма. Тот, кто был готов заплатить столько за брак с женщиной, скорее всего, либо располагал большими деньгами, либо имел скрытые проблемы.

Лю Сянсян терпеть его не могла.

Казалось, она была так ему рада, намереваясь найти ему богатую семью?

Что за шутка. Это было невозможно даже в мечтах.

Так что, должно быть, это какой-то скрытый недуг.

Это заболевание может быть как физическим, так и психологическим.

Другими словами, либо инвалидность, либо психическое расстройство.

Инвалидность была маловероятна. В конце концов, зачем богатому человеку с инвалидностью тратить деньги на то, чтобы жениться на гере? Разве не лучше было бы жениться на девушке?

Особенно если учесть, что девушка может родить больше детей. Возможно, потомство сможет унаследовать семейный бизнес. Брак с гером может привести лишь к рождению одного ребенка, что было бы неудобно, не так ли?

Отбросив эту возможность, он поджал губы и налил себе стакан воды.

Скорее всего, это было психологическое расстройство. Он будет утверждать, что потратил двадцать лян, чтобы жениться на гере, но на самом деле потратит двадцать лян, чтобы привести его и замучить до смерти, и никто бы его не осудил.

Он холодно усмехнулся, его глаза застыли.

Возможно, это даже больше, чем просто брак. Чтобы потратить столько денег на брак с гером, мужчина должен быть из богатой семьи. Стала бы богатая семья жениться на гере, чтобы сделать его своей любовницей? Невозможно. Можно было просто приобрести себе маленькую наложницу. Стал бы молодой человек жениться на незначительном гере?

Невозможно. Мужчина, вероятно, был старше его отца.

В конце концов, Лю Сянсян не могла видеть, что он хорошо живет. Чем больше она могла его мучить, тем счастливее была. На что она злилась?

Несмотря на то, что Тан Сюй не был ее биологическим сыном, он служил ей столько лет. Даже к курице-несушке у нее были чувства. Но когда дело касалось его, она не могла смотреть, как он процветает.

Тан Сюй глубоко вздохнул, собрал готовые блинчики и положил их в миску. Его взгляд скользнул по открытому окну во двор, куда один за другим вошли Тан Эрху и Лю Сянсян. Тан Эрху умывался, а Лю Сянсян стояла рядом и улыбалась, словно хотела что-то сказать.

Она редко понижала голос, но, к сожалению, что бы она ни сказала, это определенно не было чем-то хорошим.

Тан Сюй не ошибся в своих предположениях: Лю Сянсян действительно уговаривала своего мужа.

<http://bllate.org/book/14316/1267372>